

словарный запас

Александр Агеев

в последний раз

газета 2005 - 17 марта - с. 25

На прошлой неделе названы были имена лауреатов премии имени Аполлона Григорьева — похоже, в последний раз. Финансирование премии потанинским Росбанком еще в позапрошлом году прекратилось, да и цикл завершился: все сорок членов Академии русской современной словесности (АРСС) побывали членами жюри премии. Последние десять, так уж им выпало по жребию — в прошлом и в этом годах, — распределяли уже не деньги, а чистый престиж. Грех, конечно, измерять литературные достоинства того или иного произведения в баксах, но мне, когда я был однажды председателем жюри этой премии, приятно было участвовать в процессе, результатом которого стало награждение любимого с детства писателя Юрия Давыдова двадцатью пятью тысячами долларов.

Оно конечно, «доброе слово и кошке приятно», но доброе слово, сопровождаемое некой осязаемой суммой, гораздо авторитетнее звучит. Мы ведь не во Франции живем — это там Гонкуровская премия ценой в один франк (а теперь как — один евро?) приносит писателю славу, тиражи и экранизации. У нас премия — не то грант, не то пенсия. Крупные издательства, способные платить писателям кое-какие деньги, не очень-то возбуждаются на предмет премий и не торопятся издавать увенчанного премиальными лаврами автора многотысячными тиражами. Они в другой жизни живут, деньги делают, и Устинова с Донцовой для них куда более надежные лошади, чем любой лауреат премии, выдуманной «гнилой интеллигенцией» или сообществом «экспертов».

Так ведь и замышлялась когда-то премия имени Аполлона Григорьева: премия, которую дают не случайные люди, а лучшие в своей профессии, эксперты, доказавшие прежде и доказывающие по сей день свою компетентность. Может быть, это была ошибка: работать в рамках достаточно консервативной стилистики, тогда как публика требует развязного шоу, скандалов и прочей мишуры, но кто-то должен был встать плотниной перед потоком пошлости, который может смыть культурный слой, и без того в России минимальный. Предъявлять претензии новорожденному и безродному русскому бизнесу бессмысленно: интереснее для него привезти в Россию давно цененного Элтона Джона за пару миллионов долларов, чем дать тридцать тысяч на премии отечественным литераторам. Это еще аукнется, и будет всем воздаяние — за сделанное и не сделанное.

Оно конечно, «доброе слово и кошке приятно», но доброе слово, сопровождаемое некой осязаемой суммой, гораздо авторитетнее звучит. Мы ведь не во Франции живем — это там Гонкуровская премия ценой в один франк (а теперь как — один евро?) приносит писателю славу, тиражи и экранизации

Словом, очень жаль, что в очередной раз сворачивается хорошее дело, сужается культурное пространство, нарастают сорняками его пустыри, упрощается проблема выбора — важнейшая для свободного человека. Призраки энтропии бродят по России. Ну да ладно, хватит заливать раны. Главную премию имени Аполлона Григорьева получил Александр Кабаков за роман «Все поправимо», две другие (теперь, в безденежном виде, они решительно равноправны с главной) получили Ана-

толий Королев за роман «Быть Босхом» и наш американский соотечественник Лев Лосев за последний сборник стихов.

Александр Кабакову с премиями фатально не везло. Когда в конце 1980-х он опубликовал пророческую (все сбылось!) повесть «Невозвращенец» и почти сразу жанрово занятный «Подход Кристопаевича», никаких премий еще не было, а российское кино (обе повести были опубликованы, между прочим, в журнале «Искусство кино» и были, по сути, готовыми сценариями) пребывало в коме. Дальше было несколько вещей, где Кабаков выпадал из мимотекущего времени и предавался ностальгии по 60—70-м годам. А в середине 90-х ностальгия еще не была в такой моде, как сейчас. И потому читали Кабакова не слишком внимательно: ну, беллетрист и беллетрист, вроде бы эпигон Аксенова (которого тогда тоже не очень-то читали). Зависимость Кабакова от Аксенова была очень заметна: бесконечные списки лакомых западных вещей, смакование «лейблов» и прочей фарцовочной проблематики, инфантильные герои, безответственный промискуитет. Все это есть и в премированном романе, но как-то по-другому оформлено: некая, что ли, суровость появилась в стиле, некие базовые нормы отношения к жизни появились.

Нас мирно приучают читать про чужую жизнь, при том что мы плохо помним и понимаем свою. Быт Нью-Йорка мы, похоже, лучше знаем, чем быт Москвы, не говоря уж о Ярославле и Нижнем Новгороде

В российской литературе беллетрист — фигура полупочтенная. Рассказывает, понимаете ли, разные забавные истории, а в жизненные и философские глубины предпочитает не заглядывать. Не смысл жизни ему интересен, а процесс ее протекания: вот как оно было тогда-то и тогда-то, какие шмотки тогда носили, какие напитки пили и сколько стоил проезд от Москвы до Симферополя. Отечественные критика и литературоведение всегда были неблагосклонны к беллетристам: забыли Боборыкина, забыли Потапенко (вспоминают только в связи с Чеховым и Ликой Мизиновой), забыли Немировича-Данченко (другого), забыли Юрия Слезкина. Разве что Куприн — типичный беллетрист — еще поминается время от времени тихим добрым словом. «Поединок», «Гранатовый браслет» и решительно репортажную «Яму» почему-то помнят.

Кабаков отчасти продолжает не самую авторитетную традицию в русской литературе — беллетристическую. Это трудное дело на фоне рыночного господства переводной чепухи, дающей иллюзию занятного чтения. Нас мирно приучают читать про чужую жизнь, при том что мы плохо помним и понимаем свою. Быт Нью-Йорка мы, похоже, лучше знаем, чем быт Москвы, не говоря уж о Ярославле и Нижнем Новгороде. Поэтому награждение Александра Кабакова премией имени Аполлона Григорьева стоит оценить как жест в сторону честной (и притом занимательной) социологии, которой у нас не так уж и много. А страна большая, нестроенная, требующая анализа. Менделеев кроме «Основ химии» написал когда-то и книжку о России, которую ценил его зять — Александр Блок. Зачем бы великому ученому заниматься совершенно непрофильным делом? Да вечное чувство непознанности страны, в которой живешь. Ты и водку для нее смешал в идеальной пропорции, и таблица элементов тебе приснилась, но страну понять важнее.